

У БИРМАНСКИХ РАБОЧИХ

Ю. ЛУГОВСКОЙ

На столе в капитанской каюте разостлана большая географическая карта. Вместе с капитаном и его помощником я вглядываюсь в то место на карте, куда прибывает наш пароход. Очертания Бирмы на карте отдаленно напоминают голову слона. Узкая полоска бирманской земли, вытянувшаяся вдоль берега к полуострову Малакка, похожа на хобот. А там, где у настоящего слона пасть, на карте Бирмы обозначен Рангун с его большим морским портом. Нескончаемые караваны океанских судов со всех концов света, преодолевая стремительное течение, поднимаются вверх по реке Рангун — тезке бирманской столицы и складывают свою ношу на пристанях. Частые гости здесь и суда под красным советским флагом. Они везут сюда машины, станки, сельскохозяйственную технику и принимают в трюмы бирманский рис.

Пароход «Иван Павлов» пересек много морей на пути из Одессы в Рангун. После долгих дней, проведенных в океане, где порой сильно штормило, он лениво покачивается в заливе Моутама, у устья широкой реки Рангун. Река эта отличается крутым нравом. Стремительно катит она к океану свои мутные воды, а когда наступает прилив, так же быстро течет вспять. Поэтому океанские суда затрачивают немало времени, пока преодолеют 25-мильный путь от залива до пристаней Рангуна.

В волнах наступившего прилива «Иван Павлов» легко, почти не напрягая сил своих могучих двигателей, идет по извилистому фарватеру реки. Судно ведет лоцман-англичанин — коренастый, крепко сбитый моряк. Кажется, он целиком поглощен своим делом и не очень-то общителен. Но когда ему предлагают русский табак, лоцман оживает и вступает в беседу. Его появление на палубе несколько удивляет наших матросов. «Неужели англичане лучше бирманцев знают здешние проходы?» — спрашивает кто-то.

Самому лоцману этот вопрос кажется немного наивным. Не выпуская изо рта трубку, он объясняет, что бирманцы плохо знают морское дело, да и вообще у них нет подхода к технике. «Но разве сами бирманцы, взяв дело в свои руки, так уж плохо справляются с управлением страной и ее хозяйством?»

«Э, я понимаю, куда вы клоните, — снисходительно улыбается англичанин. — Но я не собираюсь

В одном из кварталов Рангуна.

спорить с вами о политике. Я специалист, и тот факт, что я здесь работаю, говорит сам за себя. Можно произносить сколько угодно речей на политическом митинге, но водить суда может не каждый. Мы, англичане, привезли сюда машину Уатта, проложили железные дороги через джунгли, нашли нефть и открыли рудники, организовали торговый бизнес и создали администрацию.

Сейчас мы не участвуем в здешней политике, а без нас, как видите, дело не обходится».

Многие из нас бывали в Рангуне и раньше и кое-что знают о здешней жизни. Мы знаем, например, что зарплата лоцмана больше заработка бирманского портового рабочего раз в 20, если не в 30.

Так было повсюду в Бирме в колониальное время. «Зарплата», которой жила вся страна, была в десятки раз меньше прибылей, которые британские компании вывозили за океан. Капитал этих компаний в Бирме составлял 50 миллионов фунтов стерлингов, а дивиденды достигали 30—50 процентов. Стоит ли удивляться после этого, что доход бирманца был в среднем в 20 раз ниже, чем жителя Англии. Это ли не лучший образец колониализма! Когда мы заметили это лоцману, тот пожал плечами и попробовал отшутиться: «Ну я же предупреждал, что вы сведете все дело к политике».

Пока идет этот разговор, мы плывем мимо низких берегов, поросших бамбуком и кущами веер-

ных пальм. Лучи расточительного тропического солнца, низвергаясь из глубин бездонного синего неба, накаляют палубу, и воздух над ней начинает струиться. В этом знойном мареве скорее угадываешь, чем видишь приближающиеся контуры большого города. Вскоре мы минуем «Мыс обезьян», и у входа в порт нас встречает позолоченный шпиль пагоды, напоминая о древней истории этой страны.

С верхней палубы парохода открывается широкая панорама порта. На берегу внимание привлекают высокие здания банков и деловых контор, толстые стены которых некогда укрывали чиновников колониальной администрации и иностранных компаний от тропического зноя и ненависти бирманцев. Впрочем, на некоторых зданиях и сейчас еще сохранились вывески иностранных компаний.

На рейде порта, туго натянув якорные цепи, стоят десятки торговых кораблей под флагами всех цветов. У их бортов, словно рыбы-прилипалы, теснятся деревянные баржи, на которых перевозят с берега грузы. Между судами снуют утлые сампаны, в которых гребцы гребут стоя, мелькают паруса рыбаков. А на берегу, сгибаясь в три погибели под тяжестью мешков с рисом, тянутся вереницей полуобнаженные докеры. Женщины переносят на головах кирпичи для строящихся складов. Глухо стучит паровой молот, забивая в дно реки сваи, на которые обопрут новые причалы. Голоса докеров, крик чаек, лязг кранов сливаются в один несмолкаемый гул порта. И покрывая все эти звуки, время от времени плывет над портом низкий бас паровых гудков.

Каналом Туантэ рангунский порт соединен с рекой Иравади — важнейшей водной артерией страны. Иравади — широкая и величавая река. Это рекатруженик. Роль Иравади в хозяйственной жизни нации огромна. Река кормит людей рыбой и дает влагу рисовым полям, покрывающим всю ее дельту. В ее водах отражаются ажурные вышки нефтепромыслов Чаука и Енаньяунга. Земля там, обильно пропитанная нефтью, лоснится на солнце, а на поверхности воды плавают радужные маслянистые пятна. Верховья реки поросли знаменитым тиковым лесом, который по крепости может соперничать с металлом. Из лесной чащи волокут слоны тиковые деревья-великаны к берегам Иравади для сплава. А там, в горах, где зарождаются притоки Иравади, вырыты угольные копи Калева, свинцово-цинковые рудники Бодвина и Намту. Недалеко от них, в Мо-гоу, из глубоких колодцев ведрами при помощи журавлей черпают породу, богатую рубинами и другими драгоценными камнями. Недра страны содержат большие залежи вольфрама.

Все, чем богата бирманская земля, что вырастивается на ее полях или извлекается из недр, отправляется вниз по Иравади к причалам рангунского порта. Без усталости несет река плоты исполинских тиковых бревен, баржи с рисом и рудой, танкеры с нефтью. Большая часть продукции страны вывозится через рангунский порт за границу. Внешняя торговля как нельзя лучше отражает уродливый уклад хозяйства, доставшийся молодой республике в наследство от колониального режима. Бирма по-прежнему остается страной с отсталой экономикой, основу которой составляет сельское хозяйство, и в первую очередь производство риса.

Продажа за границу риса, по экспорту которого Бирма стоит на первом месте в мире, а также тика, руд, каучука служит основным источником поступлений в казну и финансирования планов развития.

Страна импортирует не только машины, но и многие виды готовой продукции и даже сырье, по-

тому что монокультурное сельское хозяйство порой не может обеспечить им обрабатывающую промышленность. В рангунском порту можно наблюдать, как с иностранных судов сгружают текстиль, джут, рыбу, сахар, табак и даже чай и фрукты. До сих пор Бирма покрывает свои потребности в тканях на 80, а сахара на 50 процентов за счет импорта. Промышленность в Бирме в целом играет мало заметную роль, но заслуживает того, чтобы о ней рассказать особо, ибо с ее развитием связаны судьбы нации, ее надежды на лучшее будущее.

В Бирме насчитывается около 600 тысяч рабочих. Большинство из них занято на предприятиях кустарного или мануфактурного типа. Фабричных пролетариев и рабочих горнорудной промышленности едва ли наберется более 150 тысяч на 20 миллионов населения. Одна треть всех рабочих живет в Рангуне.

Над пальмами и пестрой чешуей крыш рабочих окраин Рангуна стелется тонкая пелена дыма. Узких немощеных улочках, тесно прижавшись, как бы ища поддержки друг у друга, стоят на сваях маленькие хижины из бамбука, крытые пальмовыми листьями. У них, как говорится, «душа нараспашку», и, проходя мимо, вы невольно становитесь свидетелем убогого мирка жителей этих лачуг. Рано утром протяжные гудки, доносящиеся из порта, поднимают с циновок обитателей хижин. Открывают свои лавки-мастерские кустари, изделия которых приобрели высокую репутацию. Каждый район знаменит каким-нибудь ремеслом. Кеммендайн — изделиями из лака, Ахлон — резьбой по дереву и чеканкой по серебру, а деревня Туанте, недалеко от Рангуна, — гончарным промыслом. Идут на работу портовые рабочие, ткачи, кузнецы. В пригородах Рангуна находится много предприятий обрабатывающей промышленности: рисовые мельницы, лесопилки, табачные, маслобойные, текстильные фабрики. Статистические справочники сообщают, что в Бирме насчитывается около 2,5 тысячи ценовых предприятий фабричной промышленности. Но пусть слово «предприятие» или «завод» не вводит вас в заблуждение. Его скорее надо понимать в том смысле, в каком оно употреблялось в России при Петре I. К числу ценовых относятся все предприятия, на которых занято хотя бы десять рабочих и есть один механический двигатель, или двадцать рабочих, если нет какой-либо силовой установки. В большинстве случаев это мануфактуры, где люди, сидя на полу, крутят из табачных листьев толстые сигары или вручную ткнут на деревянных ткацких станках.

Из 300 тысяч ткацких станков в Бирме вряд ли наберется одна тысяча механических. Но есть и крупные предприятия. На той стороне реки Рангуна, в Сириаме и Дуннидо, работают нефтеперегонные заводы. В Джагоне по дороге в Инсейн построены в годы независимости сталеплавильный завод, современные цементная, джутовая, текстильная, фармацевтическая фабрики, открыты электромеханические мастерские. Дымят трубы ТЭС в Ахлоне. Более двух тысяч человек работает на судоверфях и доках в Далла. В Инсейне открыты железнодорожные мастерские. Рельсы уходят из Рангуна далеко на север страны. Около 20 тысяч рабочих занято на железнодорожном транспорте.

После достижения независимости в Бирме с особой остротой встала задача переустройства экономики. Первый шаг в этом направлении был сделан, когда государство, вмешавшись в экономическую жизнь страны, национализировало ряд предприятий горнодобывающей промышленности, речной и же-

железнодорожный транспорт, финансы, банковское дело, внешнюю торговлю рисом и тиком, выплаты при этом большие компенсации английским монополиям. У других английских компаний государство, за недостатком средств, выкупило лишь часть акций. Так возникли корпорации, совместно управляемые государственным и иностранным капиталом, вроде «Бирманской нефтяной компании».

В результате государственный капиталистический сектор стал самым крупным в стране, а сфера деятельности иностранного капитала сократилась. И все же на первых порах особые надежды возлагались на привлечение иностранного капитала. Но скоро стало ясно, что этим надеждам не суждено сбыться. Напуганные национализацией и вспыхнувшей в стране гражданской войной, иностранные бизнесмены предпочитали переводить прибыли в банки Лондона, Нью-Йорка, Женевы. За послевоенные годы только в виде прибылей из страны было выкачано до миллиарда кьят. Прогрессивные силы Бирмы добиваются ликвидации этой колониальной дани.

...Мы плыли на парходе по Иравади. Рядом со мной, опираясь на поручни, стоял полный бирманец в костюме европейского покроя. Он оказался инженером, ехавшим в Енаньяунг. В этом городе, название которого в переводе с бирманского означает «Нефтяная речка», находятся промыслы «Бирманской нефтяной компании». Но, как объяснил инженер, хотя компания и называется бирманской, две трети ее акций — в руках англичан. Англичане, говорил он, занимают большинство постов в администрации и техническом управлении компании, регулируют производство и условия найма на промыслах и имеют возможность вывозить большую часть прибылей за границу. Но такие порядки сейчас постепенно меняются. Правительство Бирмы увеличило недавно свой пай до 51 процента. Приобретение контрольного пакета акций, как надеются бирманцы, поможет увеличить производство нефти в стране, которое сейчас составляет всего половину довоенного объема, в то время как в целом довоенный уровень производства уже достигнут.

— Десятки лет, — говорил наш новый знакомый, — нам твердили, что у нас, бирманцев, нет способностей к управлению хозяйством. Вы, возможно, удивились, узнав, что я инженер. Сейчас это действительно редкая профессия для бирманца. Но пройдет несколько лет, и это не будет никого удивлять.

В авангарде борьбы за на-

циональное возрождение Бирмы идет бирманский рабочий класс. В настоящее время в стране существует три профсоюзных центра: Бирманский конгресс профсоюзов, Конгресс профсоюзов Бирмы и Объединенная организация труда. Первый из них находится под руководством Рабочей партии Бирмы и входит во Всемирную федерацию профсоюзов. У руководства Конгресса профсоюзов Бирмы (КПБ) стоят лидеры Социалистической партии, а Объединенная организация труда примыкает к правящей Союзной партии.

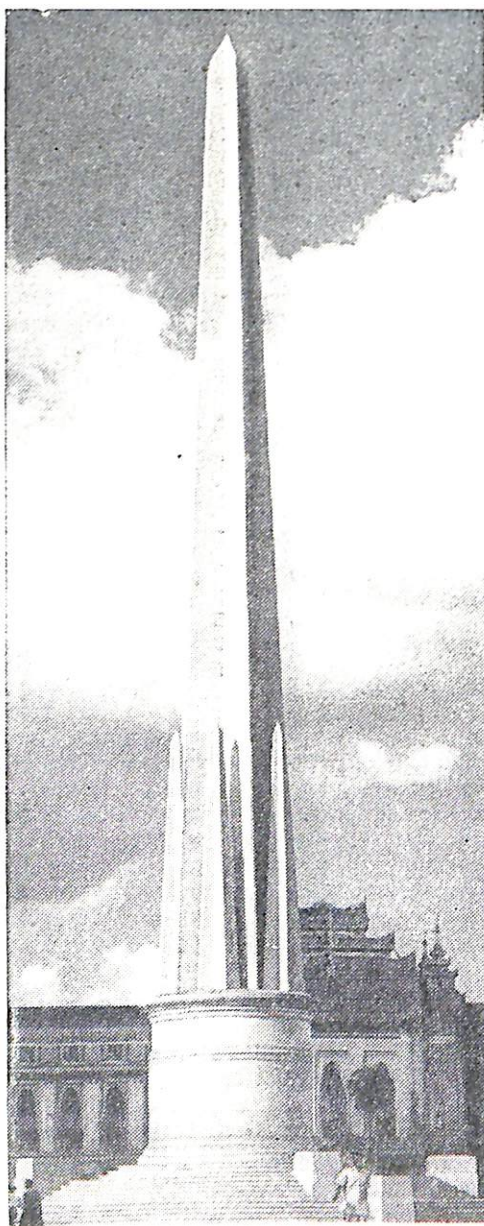
Помимо этих трех профцентров, в стране есть несколько отраслевых федераций профсоюзов — железнодорожников, нефтяников, рабочих речного судоходства, докеров, горняков, некоторые из которых являются автономными, а другие поддерживают связи с тем или иным профцентром. Сколько в Бирме всего членов профсоюза? На этот вопрос, пожалуй, сразу не ответишь. Ведь здесь не всегда

выдают билеты и платят членские взносы, но считают, что общее количество организованных рабочих достигает 150 тысяч.

За годы независимости профсоюзы выросли в большую общественную силу. И остается только пожалеть, что до сих пор в профсоюзном движении не преодолен раскол. Даже 1 Мая мы празднуем раздельно, говорили не раз с горечью деятели рабочего класса Бирмы. Но мы знаем цену объединенным усилиям и стремимся крепить единство.

Во время одной из встреч с горняками нам рассказали, как шахтеры в Намту и Бодуина объявили стачку, требуя повысить зарплату ввиду роста цен. Их примеру последовали нефтяники, объявив общенациональную забастовку на всех промыслах и нефтеперегонных заводах. Они все входили в Федерацию профсоюзов нефтяников, которая была связана с КПБ. Эту забастовку активно поддержал и Бирманский конгресс профсоюзов, присоединившийся к требованиям национализации нефтяной промышленности. Часто ли в Бирме бастуют? Директорат труда регистрирует более 100 «трудовых конфликтов» в год и жалуется, что это очень много. Некоторые руководители профсоюзов считают, что бастовать не надо, так как теряется много рабочих часов и это наносит ущерб национальной экономике. Они советуют не бастовать, а обращаться в арбитраж, просить, чтобы провели новые реформы. Кто накануне выборов обещает даже, что со временем каждый бирманец будет иметь дом, машину и 700 кьят ежемесячного дохода. Но, по-

Рангун. Монумент независимости.

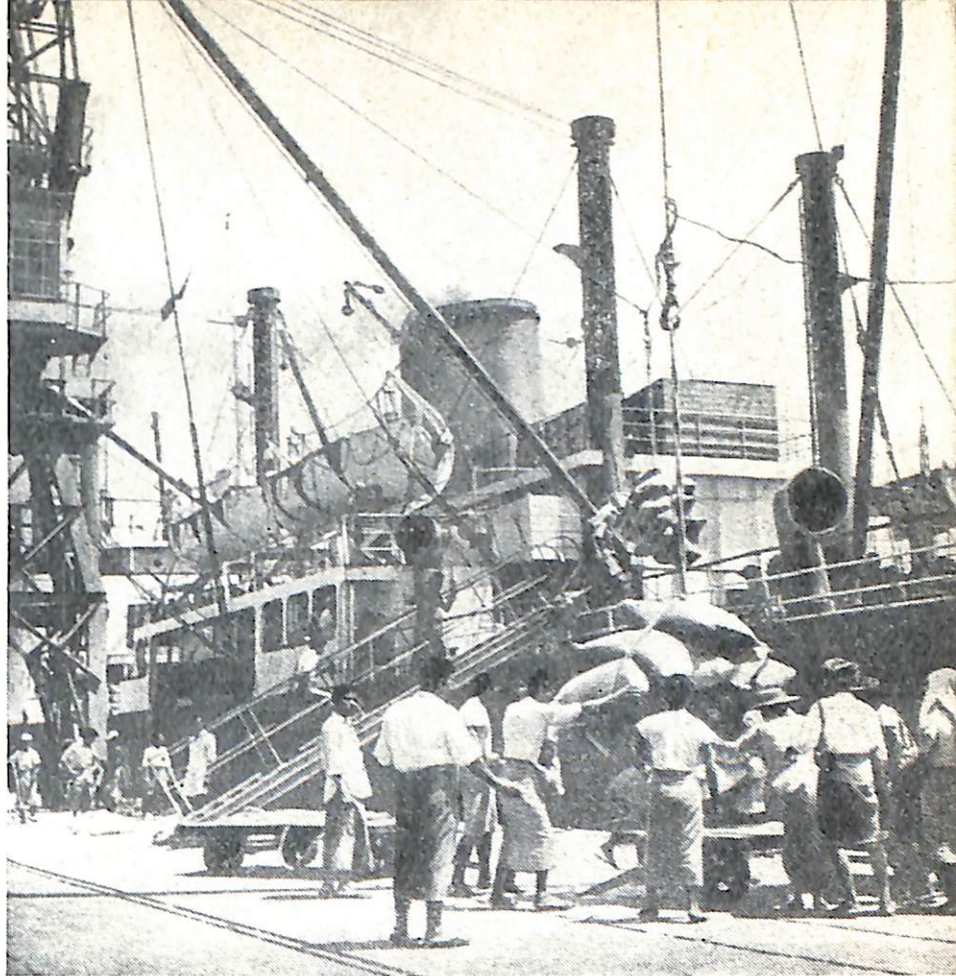
верьте, наши рабочие знают цену несбыточным обещаниям.

«Вот посмотрите! — и один из рабочих показывает вытатуированное у него на теле изображение птицы галоун. — Я участвовал в знаменитом голодном походе нефтяников в 1939 году. Рабочие прошли тогда сотни миль от Енаьяунга до Рангуна, чтобы предъявить свои требования английской администрации. Мы, рабочие, знаем цену независимости. И мы ее защищаем, но у нас есть и свои классовые интересы. Ведь далеко не все предприниматели заботятся о выполнении трудового законодательства. Полагается, например, у нас по закону 8-часовой рабочий день, повышенная оплата сверхурочного труда, равная оплата за равный труд мужчин и женщин, ежегодный оплачиваемый отпуск на 10 дней. А разве везде эти законы соблюдаются? Многие рабочие у нас вообще ходят без работы. Вот рабочим и приходится бороться, чтобы отстоять свои интересы. И кое-чего мы добились. Например, в районе Рангун — Инсейн на некоторых предприятиях даже введена система социального страхования.

Мы боремся также за свои гражданские права, за национальную демократию и единство, за прекращение гражданской войны. Мы хотим лучшей доли. А вы знаете, как живут наши рабочие? Очень трудно. В среднем зарплата составляет 40—50 кьят. После войны цены намного выросли. Поэтому нам платят еще надбавку на дороговизну. Но большинство рабочих получает все же меньше 98 кьят — официально установленного прожиточного минимума рабочей семьи. Да и что это за прожиточный минимум, если на каждого человека в семье приходится немногим более 250 граммов риса в день! Наши профсоюзы подсчитали, что прожиточный минимум должен составлять в Рангуне 120 кьят, а на севере страны, где цены на продовольствие выше, скажем, в Намту или Бодвине, — 180 кьят».

«Мы сбросили империю, создали профсоюзы и можем защищать свои права. С независимостью, — говорили нам бирманские рабочие, — пришла надежда на лучшую жизнь».

На прощанье один из рабочих подарил нам значок с изображением павлина. В Бирме верят, что павлин приносит людям счастье. Хотелось бы, чтобы в новой Бирме это поверье оправдалось.

Круглые сутки кипит работа на причалах рангунского порта (фото вверху).

На крупных строительных объектах на помощь призвана современная техника — самосвалы и экскаваторы (фото внизу).

